

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Памяти старца.

(По личнымъ воспоминаніямъ)

I.

17 января 1914 г. въ Троице-Сергіевой Лаврѣ въ церкви св. Іоанна Лѣвствичника въ 6 ч. у. происходило печальное, но торжественное богослуженіе. Въ гробу лежало тѣло послушника Лавры о. Сергія Дмитриевича Малинина, а его окружали одиннадцать оо. іеромонаховъ и во главѣ ихъ стоялъ о. архимандритъ Аполлосъ. На правомъ клиросѣ пѣли лучшіе лаврскіе пѣвчіе, а на лѣвомъ—хоръ изъ собравшихся иноковъ обители. Въ церкви стояли ряды учениковъ изъ Иконописнаго Лаврскаго Училища и много братіи. Были и простые міряне. И невольно вставалъ вопросъ: *что* привлекло сюда молящихся?.. Въ этотъ день не было ни праздника, ни погребенія какого-либо выдающагося дѣятеля на духовномъ или свѣтскомъ поприщѣ. Было только трогательное отпѣваніе *простого послушника Лавры*.. „И тайный голосъ, голосъ совѣсти ствѣчалъ намъ“¹⁾: „сюда привлекла всѣхъ личность лежащаго во гробѣ; умершій о. Сергій былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ праведниковъ, ради которыхъ міръ стоитъ, одинъ изъ невидимыхъ стражей души народной, одинъ изъ сильныхъ духомъ и самоотверженныхъ воиновъ Церкви Христовой; посмотрите, оглянитесь на его жизнь и вы все поймете“.

И дѣйствительно, не сложна внѣшняя жизнь почившаго,

¹⁾ *Еп. Никонъ*. Одинъ изъ невидныхъ стражей души народной. 1913 г., стр. 5.

но зато его внутренняя полна великихъ и поучительныхъ фактовъ.

II.

Покойный происходилъ изъ духовнаго званія. Родился о. Сергій въ Калужской губ. въ 1838 г. Образование онъ получилъ въ Калужской Духовной Семинаріи, которую кончилъ однимъ изъ первыхъ учениковъ-студентовъ. Потомъ былъ вольнослушателемъ въ Университетѣ и Военно-Медицинской Академіи. 1 іюля 1863 г. онъ вступилъ въ 39 пѣхотный Томскій полкъ. Участвовалъ въ усмирении польскаго мятежа. Въ 1869 г. по болѣзни оставилъ военную службу. Въ слѣдующемъ году поступилъ послушникомъ въ Троице-Сергіеву Лавру, въ которой, проходя разныя монастырскія послушанія, какъ-то: наблюденіе за мальчиками-пѣвчими и смотрительство въ портной, и прожилъ до самой своей кончины, до 15 января 1914 г. Т. о. въ обители преп. Сергія почившій прожилъ цѣлыхъ 43 года.

Такова канва внѣшней жизни почившаго. Не тонка и не разнообразна она. Но въ этой канвѣ, въ теченіе 78 лѣтъ, проявлялся, жилъ и дѣйствовалъ большой *умъ*, великое *сердце* и сильная *воля*.

Умъ покойнаго проявлялся еще съ малыхъ лѣтъ. Никто, ни въ Духовномъ училищѣ, ни въ Семинаріи, столько не радовалъ преподавателей мѣткостью своихъ опредѣленій и толковостью отвѣтовъ, какъ Сергій Дмитріевичъ. Когда онъ кончалъ Семинарію и когда опредѣлилось его окончательное желаніе итти въ военную службу, то въ Семинаріи не было ббльшаго горя, какъ выходъ его изъ духовнаго сословія. Самъ Преосвященный Калужскій приглашалъ его къ себѣ и уговаривалъ не ходить въ Военную Академію, а итти въ Духовную.—Объ этомъ же свойствѣ его личность говорить и тотъ фактъ, что онъ на всѣ лѣтнія каникулы послѣднихъ классовъ Семинаріи былъ приглашаемъ въ воспитатели дѣтей извѣстной семьи кн. Оболенскихъ.—Впослѣдствіи—и на военной службѣ, и въ тиши монастырской жизни С. Д. всегда выдѣлялся своею быстрою сообразительностью и вдумчивостью отвѣтовъ. Въ военной службѣ ему, какъ даровитому офицеру, всегда поручались съемки мѣстностей, опредѣленіе

разстояній и составленіе плановъ дѣйствій. Когда же С. Д. поступилъ въ Лавру, то всю силу своего ума онъ вложилъ, главнымъ образомъ, въ пониманіе истинъ Христова ученія и церковнаго богослуженія, не исключая, впрочемъ, и явленной современной жизни.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько его разъясненій, оставшихся въ памяти пишущаго, „Вы слышите за богослуженіемъ такія слова: „ангели непрестанными гласы зываютъ: святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѣ“. Что это значить? Это значить: для ангеловъ нѣтъ высшаго блаженства, какъ повторять эти сладостныя слова. Воскликнуть одинъ разъ: „святъ“—еще хочется; воскликнуть другой—еще хочется и т. д. Вотъ что значить: „непрестанными гласы“... Или вотъ еще примѣръ мудрости старца. „Часто удивляются тому церковному ученію, по которому богодуховенность не стѣсняетъ личности пророка-писателя. Но чему тутъ удивляться и не вѣрять? Возьмите прекрасный музыкальный инструментъ и заставьте играть на немъ лицъ съ различными музыкальными способностями—вѣдь и игра у всѣхъ будетъ разная, зависящая отъ личности играющаго—а инструментъ будетъ все тотъ же. Такъ и Духъ Св. въ отношеніи къ личности пророковъ-писателей. Не Духъ Св., а личныя свойства одного пророка порождаютъ книгу, стоящую въ извѣстныхъ отношеніяхъ выше или ниже книги другого пророка“.

Къ этому надо добавить, что С. Д. обладалъ прекрасною памятью и огромною начитанностью въ богословской литературѣ. Онъ настолько твердо усвоилъ курсы Семинаріи, что въ старыя годы прямо-таки цитировалъ на память тѣ или инныя главы учебниковъ. Изъ его устъ постоянно также слышны были ссылки то на взгляды Іоанна Златоуста, то Василія Великаго, то Ефрема и Исаака Сириновъ, то на другихъ отцовъ Церкви. Прекрасно онъ усвоилъ еще и Прологи и Четьи-Минеи и всегда ссылался на тѣ или инныя факты изъ жизни преподобныхъ отецъ. Такъ припоминается, что любимымъ его доказательствомъ мысли „о необходимости страданій для людей, хотящихъ въ *этомъ* мірѣ жить по христіански“ было житіе Евстаѳія и Плакиды.

Интересно, кромѣ этого, отмѣтить, что почившій питалъ свой умъ въ монастырѣ и не только чисто богословской пищей, но и заставлялъ его размышлять и надъ явленіями

современной жизни. Онъ любилъ слушать чтеніе газетъ и журналовъ разныхъ направленій, вникалъ въ утверженіе каждой или каждаго изъ нихъ и всегда составлялъ свое личное мнѣніе по поводу совершающихся событій. И можно было удивляться—какіе онъ дѣлалъ неоспоримые логическіе выводы. Помнится его интересъ къ русско-японской войнѣ. Долго онъ обдумываетъ разныя извѣстія газетъ и вдругъ скажетъ: „вотъ скоро непременно будетъ то-то“ и это вскорѣ, дѣйствительно, совершалось.

Наконецъ, надо сказать о томъ, что умъ С. Д. очень ярко проявлялся въ глубокомъ пониманіи *психологии* человѣческой. Бывало, увидить ли старецъ юношу, занимающагося подготовкой къ экзамену, онъ, убѣжденный въ томъ, что залогъ успѣха—въ *увѣренности*, скажетъ ему *твердо*: „занимайтесь, занимайтесь; Вы непременно достигните цѣли“—и юноша бодро идетъ впередъ; увидить ли инока, уставшаго отъ исполненія своего труднаго послушанія и отдыхающаго послѣ него, онъ пойметъ инока и сумѣетъ снова возбудить въ немъ энергію: „ничего, ничего; полежишь, полежишь, а потомъ и опять побѣдишь“—и инокъ чувствуетъ себя какъ-то особенно легко; узнаетъ ли, наконецъ, старецъ о заблужденіяхъ какого-либо знакомаго ученаго, онъ сумѣетъ въ богатомъ запасѣ своихъ знаній найти яркія и убѣдительныя доказательства неправоты ученаго. но щадя его самолюбіе. Такъ было, напримѣръ, поступлено съ однимъ, еще здравствующимъ, профессоромъ, первоначально думавшимъ о вездѣсущи преподобныхъ, а потомъ убѣдившимся въ принадлежности этого свойства только Богу.

III.

Кромѣ умственныхъ дарованій, покойный обладалъ *великимъ* сердцемъ, пламенѣющимъ, вѣчно горящимъ и неугасающимъ. Самою яркою чертою его характера было—доброжелательное отношеніе къ окружающимъ, защита слабыхъ, униженныхъ, помощь страждущимъ, — словомъ — любовь къ ближнимъ. Этимъ свойствомъ характера С. Д. отличался и въ Семинаріи, и въ военной службѣ, и въ монастырѣ.

Въ годы его Семинарской жизни была еще извѣстная

распря между „духовными“ и „мѣщанами“. Однажды „мещане“ искалѣчили беззащитнаго, слабаго, отъ природы хилаго „духовнаго“. Не вытерпѣло горячее сердце С. Д., онъ собралъ друзей и такъ заступился за товарища, что былъ вызванъ къ губернатору. Впрочемъ послѣдній понялъ мотивы молодого защитника и не наказалъ его.

Изъ годовъ военной службы интересенъ такой фактъ. Въ числѣ полковыхъ товарищей-офицеровъ С. Д. былъ одинъ тиранъ и деспотъ въ семейной жизни. Жена офицера, образецъ семейной женщины, носила всегда печаль въ сердцѣ, которая вскорѣ увеличилась еще и отъ невѣрности мужа. Не вытерпѣло и здѣсь сердце С. Д. Онъ подкараулилъ этого любителя наслажденій ночью, когда тотъ возвращался домой. Съ нѣсколькими вѣрными людьми С. Д. набросился на него, потомъ бросилъ его въ кожаный мѣшокъ, завязалъ его тамъ и сталъ жестоко наказывать, приговаривая: „будешь ли бить жену? будешь ли?..“ И только когда послѣдній далъ офицерское слово, не бить жены—онъ былъ отпущенъ на свободу. Впослѣдствіи этотъ офицеръ настолько сдѣлался примѣрнымъ семьяниномъ, что былъ предметомъ удивленія для всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Когда же С. Д. сталъ инокомъ, тогда онъ помощь ближнимъ сдѣлалъ своимъ дѣломъ, своимъ подвигомъ. Часто онъ приходилъ къ тому или иному иноку, утѣшалъ его въ несчастіи, часто звалъ къ себѣ въ келлію и здѣсь обсуждалъ то или иное его положеніе, стараясь словомъ или дѣломъ помочь. При прохожденіи воспитательской службы въ училищѣ монастырскаго хора ему нерѣдко приходилось вставать и на сторону интересовъ мальчиковъ. И здѣсь доброе сердце старца забывало даже свое постоянное смиреніе, заставляло его итти къ начальству и очень стойко и горячо отстаивать интересы своихъ питомцевъ.

Это же сердце заставляло С. Д. отдавать и всѣ свои средства и всю свою пенсію или бѣднымъ роднымъ, или бѣднымъ мальчикамъ, или нуждающимся знакомымъ. Пишущій эти строки нерѣдко видѣлъ у себя въ юные годы въ своемъ пальто невѣдомо откуда бравшіяся рубли и бумажки, и, конечно, догадывался, кто это—исполняетъ на дѣлѣ евангельскую заповѣдь: „да будетъ милостыня твоя втайнѣ: и Отецъ твой видяи втайнѣ, той воздастъ тебѣ явѣ“ (Мѣ. VI 4).

Но особенно великъ С. Д. былъ въ дѣлѣ освобожденія людей отъ „плотскія страсти“. Это было его великое *служеніе* людямъ, „великое окормленіе обуреваемыхъ“, его особый *даръ*, полученный отъ Бога. И это, конечно, потому прежде всего, что онъ самъ былъ великій дѣвственникъ.

Извѣстно, сколько соблазновъ представляетъ жизнь молодого человѣка, а особенно въ тѣ или иные бурные годы. Но они не существовали для С. Д. Такъ извѣстенъ такой случай изъ его жизни. Одни родители намѣренно оставили свою дочь съ молодымъ, красивымъ и богатырски сложеннымъ С. Д., надѣясь найти поводъ для его свадьбы. Но оставленный, понявъ свое положеніе, выбѣжалъ на улицу и закричалъ: „пожаръ!“, „пожаръ!“ На его крикъ прискакали пожарные и спросили: „гдѣ?“ Онъ указалъ на открытое окно комнаты, изъ которой выбѣжалъ. Туда была направлена струя воды и жертвой ея стала растерявшаяся дѣвушка.—Впослѣдствіи выбѣжавшій объяснялъ такъ свой поступокъ: между нами началъ происходить ужаснѣйшій пожаръ, пожаръ страсти, и его надо было потушить въ самомъ началѣ“.

Будучи самъ такимъ дѣвственникомъ, С. Д., конечно, могъ и другихъ охранять и даже избавлять отъ этой страсти. И онъ этого, дѣйствительно, достигалъ и притомъ разными путями: одному, напримѣръ, давалъ только совѣты, другого заставлялъ молиться, третьяго устраивалъ въ обстановку, далекую отъ соблазновъ. Еще и теперь живы многія лица, на себѣ испытавшія всю благотворную силу этого дара С. Д. и съ великою благодарностью вспоминающія о немъ. Такъ, одно изъ этихъ лицъ говорило мнѣ: „Я совсѣмъ было погибалъ въ дѣтствѣ отъ распространеннаго порока..... Вдругъ приходитъ къ намъ неизвѣстный мнѣ старецъ, смотреть зорко на мое тѣло и говорить мнѣ: бросить надо, стыдно! будешь тупымъ!... Молись пр. Сергію и овладаешь съ собою!“ Я былъ пораженъ. Познакомился со старцемъ, привязался къ нему и путемъ его духовнаго водительства не только себя, но и нѣкоторыхъ товарищей избавилъ отъ порока“.

Въ связи съ этою яркою чертою личности С. Д.—любовью къ ближнимъ — находится и другая его черта: *смирненіе, уничтоженіе*. Несмотря на то, что онъ, по уму и сердцу, цѣлою головою былъ выше окружающихъ; несмотря на то,

что его благодѣянiя невольно заставляли преклоняться предъ нимъ,—онъ не выносилъ никакихъ знаковъ почтенiя и выдѣленiя. Неоднократно ему предлагали въ Лаврѣ принять чинъ постриженiя, указывали на его способности и права къ степенямъ священства—онъ всегда отказывался, ссылаясь на свое недостоинство. Самымъ любимымъ его выраженiемъ было: „простите, Христа-ради, сумасшедшаго Серезку“.

Лицамъ, умѣвшимъ понимать и цѣнить людей, онъ запрещалъ говорить объ его дарованiяхъ: „не смѣйте, я хуже всѣхъ“. Такъ съ нимъ однажды познакомился извѣстный профессоръ-философъ М. Д. Академiи А. И. Введенскiй. Тогда профессоръ работалъ надъ статьею: „Какъ у насъ строятся монастыри и чѣмъ они служатъ землѣ русской“. Познакомившись съ С. Дм., А. И. былъ въ буквальной смыслѣ слова пораженъ умомъ и величiемъ старца. Онъ просилъ позволенiя написать въ газетѣ о немъ, какъ яркомъ примѣрѣ служенiя духовныхъ родинѣ. Старецъ всѣми силами запротестовалъ, говоря, что онъ „накажетъ“ профессора за его намѣренiе. Но послѣднiй не смогъ замолчать и только на половину исполнилъ волю старца: онъ написалъ о немъ глухо и кратко, но мѣтко. Вотъ что писалъ А. И. Введенскiй ¹⁾ о С. Д., какъ начальникъ-воспитатель мальчиковъ-пѣвчихъ: „Кромѣ внѣшней чистоты и опрятности, въ мальчикахъ-пѣвчихъ меня особенно поразила выдержка,—воспитанность и какая-то особенная деликатность. Это, конечно, результатъ педагогическаго такта со стороны главнаго ихъ наблюдателя... Наблюденiе же надъ ними ввѣрено весьма замѣчательному лицу—старцу-иноку, съ высшимъ образованiемъ, изъ военныхъ, который, насколько можемъ судить по личнымъ наблюденiямъ надъ его отношенiемъ къ мальчикамъ, есть для нихъ настоящiй отецъ“.

Другимъ своимъ знакомымъ, которые хоть чѣмъ-нибудь старались высказать расположенiе къ старцу, онъ говорилъ: „не надо, не надо; я не стою... я не хочу... надо быть смиреннькимъ“ и очень гнѣвался на тѣхъ, которые не щадили его трогательнаго смиренiя.

¹⁾ Московскiя Вѣдомости. 1901 г. Июль 14, № 191. Ст. А. Басаргина.

IV.

Наконецъ надо указать и на послѣднюю душевную способность умершаго старца—его необыкновенную *силу воли*, его беззавѣтную храбрость.

Здѣсь опять припоминаются, прежде всего, годы его военной службы. Никто такъ настойчиво не стремился преодолѣвать разныя препятствія, гонимыя врагами во время польскаго возстанія, какъ онъ. Онъ часто дѣлалъ большіе переходы и появлялся тамъ, гдѣ враги совсѣмъ не ожидали встрѣтить русскихъ. За это, будучи еще очень молодымъ воиномъ, С. Д. заслужилъ отъ государя Александра II—названіе „молодца“ и былъ отдавъ на особое попеченіе начальства.

Далѣе вспоминаются годы старца въ Лаврѣ, когда онъ свою храбрость и стойкость изъ внѣшней жизни перенесъ во внутренней міръ человѣка. И здѣсь опять поражаешься величію его воли. Такъ, онъ былъ совсѣмъ больной человѣкъ. Были у него: водянка, сильный ревматизмъ, слѣпота сперва одного глаза, а потомъ и другого,—но онъ всегда былъ добръ, веселъ, громко бесѣдовалъ и никогда не говорилъ о своихъ болѣзняхъ. Старецъ силою своего духа такъ сумѣлъ подчинить себѣ тѣло, что только немногіе догадывались объ его великомъ самообладаніи, да и то тѣ, которымъ онъ самъ открывалъ это.

Кромѣ этого, С. Д.—человѣкъ большого ума, великаго сердца—съ 1876 года сознательно взялъ на себя, въ монастырѣ, великій подвигъ *юродства*—онъ для перваго впечатлѣнія на людей самъ себя сдѣлалъ какимъ-то „ненормальнымъ“, „сумасшедшимъ“, и только потомъ уже, при продолжительномъ наблюденіи за нимъ, открывалъ, что это только *форма*, а не сущность его личности.

Часто въ келліи какого-нибудь инока слышны были громовые раскаты крика и шума. Это—С. Д. „разносить“ то или иное лицо. Потомъ проходятъ часы, минуты, и громовый голосъ затихаетъ, слышится робкій шопотъ старца, внезапно ушедшаго въ себя: „простите, Христа ради, сумасшедшаго Сережку“. И диву даешься; что это такое было?.. А между тѣмъ—тутъ предъ тобою совершалось великое явленіе: „юродъ“ врачевалъ то или иное лицо отъ какой-нибудь

страсти, но *своимъ*, особеннымъ путемъ. Вотъ что говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ „изъ послѣднихъ учениковъ старца“—почтенный инокъ: „Главное онъ (т. е. Сергѣй Дмитріевичъ) привязалъ меня къ себѣ тактикой своего особеннаго, такъ сказать, старческаго духовно-правственнаго окормленія—своими криками. Всѣ эти его крики были напускныя, и они увеличивались тогда, когда бывало идешь къ нему съ большою душевною скорбью. Чѣмъ больше скорбь, тѣмъ больше онъ кричалъ. И кричалъ такъ, что мурашки ползали за плечами, а другой разъ и въ потъ бросало. Но бывало по мѣрѣ его крика все болѣе и болѣе успокаиваешься, и когда успокоишься, то замѣчаешь, что и старецъ моментально мѣняетъ тонъ, и какъ будто ни въ чемъ не бывало, совершенно спокойный и ласковый, какъ дитя, начинаетъ говорить что-либо съ другой, пріятной для тебя стороны. Иногда послѣ такихъ криковъ старецъ давалъ пощупать его пульсъ и, показывая, что онъ онъ совершенно нормаленъ, прибавлялъ: „вотъ такъ и ты, душечка, кричи: а то вы когда начнете кричать, посинѣете, трясетесь и готовы стереть съ лица земли оскорбившаго васъ“... При крикахъ иногда С. Д. выражался: „убью“, „зарѣжу“ и проч. Неопытные или же трусливые иногда боялись этихъ криковъ, принимая ихъ за чистую монету, но С. Д. высказывалъ потомъ, что онъ желаетъ убить и зарѣзать не самого человека, а его страсть. „Часто я ругаю братію“, добавлялъ старецъ. „Но я не ее ругаю, а ихъ страсти... Никто такъ не любитъ монаховъ, какъ я. Но что подѣлаешь, нужно иногда и ихъ ругнуть, чтобъ не лишились они спасенія“.

Вотъ за эти-то „спасительные“ крики, за это какъ бы какое-то ненормальное поведеніе многіе окружающіе и называли старца „сумасшедшимъ“, „крикуномъ“ и т. п. именами. Но вѣрится, что они скоро сами поймутъ свое заблужденіе. Поймутъ, что здѣсь великая воля старца сознательно надѣвала на себя такую только вѣшнюю одежду, сознательно тупѣвала свои качества и сознательно принижала себя. лишь бы только можно было спасти ближняго.

Ко всему сказанному надо прибавить, что почившій старецъ достигалъ положительныхъ результатовъ только потому, что самъ велъ *подвижническую* жизнь и уже черезъ личный опытъ зналъ силу тѣхъ или иныхъ духовныхъ врачеваній.

Изъ духовныхъ подвиговъ старца большее скрыто отъ людей, и только очень небольшое осталось для нихъ. Такъ можно сказать, что старецъ цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ, жестоко бичевалъ свое тѣло и отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ. Во время этихъ ночныхъ бодрствованій онъ много пережилъ чисто-духовныхъ искушеній и мученій, а иногда и чисто физическихъ страданій. Но объ этомъ старецъ почти никому и никогда не говорилъ, и вѣроятно это, къ великому сожалѣнiю, навсегда скрыто отъ людей. Извѣстны только уже видимыя слѣдствiя этихъ великихъ подвиговъ: почившiй еще при жизни надѣленъ былъ даромъ какъ бы видѣть Живого Бога и открывать его нѣкоторымъ людямъ.

Такъ сейчасъ ярко вспоминаются бесѣды старца. Часто онъ во время своихъ бесѣдъ взиралъ на тотъ или иной образъ и какъ будто видѣлъ предъ собою тѣхъ, которые были на образѣ, и какъ бы слышалъ ихъ слова. Тогда

„Казалось—старцу небо являлось...

И „Дрожащая къ небу рука подымалась

„И слезы текли изъ... очей...

И „Какъ ключъ, пробивающiй каменный слой,

„Изъ устъ его блѣдныхъ живою волною

„Высокая рѣчь текла вдохновенчо...

„Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!...“¹⁾

Извѣстно еще и то, что тѣ, которые, въ видахъ особаго домо-строительства Божiя, устаивались видѣть и нѣкоторое даже „преображенiе“ лица старца во время его молитвъ и бесѣдъ. Такъ, вотъ что рассказываетъ въ журналѣ „Христианинъ“, издаваемомъ Преосвященнымъ Евдокимомъ, бывшимъ ректоромъ М. Д. Академiи, въ отдѣлѣ „Открытiя критическiя письма“ въ письмѣ 2-мъ, объ этомъ явленiи: „Дорогой мой графъ Левъ Николаевичъ!... Смотрите, какъ *Богъ неявленно Себя не оставилъ*... Въ Троице-Сергиевой Лаврѣ отслушалъ панихиду по Митрополитѣ Московскомъ, святѣйшемъ Филаретѣ. Среди толпы отъ тридцати до сорока человекъ, тоже отслушавшихъ со мною панихиду, бесѣдую съ Лаврскимъ Юродомъ—студентомъ семинарiи. Это замѣчательный человекъ: капитанъ въ отставкѣ, пенсионеръ, отказав-

¹⁾ Я. П. Половскiй. Вѣда-проповѣдникъ.

шійся отъ чиновъ, должностей высокихъ и честей, теперь начальникъ швальни монастырской, въ возрастѣ около семидесяти, проживающій въ Лаврѣ уже около сорока лѣтъ, какъ о всемъ томъ я узналъ. Среди этой бесѣды со мною въ толпѣ народной вдругъ Юродъ просіялъ „Богомъ-любовію-Свѣтомъ“, „Свѣтомъ-любовію-Богомъ“. Толпа воскликнула: „Кто—о, Господи!—кто, Господи помилуй!“ Послѣ литургіи этотъ юродъ взялъ меня въ свою келлію. Здѣсь въ продолженіи семи часовъ бесѣды со мною, нѣсколько разъ онъ просіявалъ свѣтомъ Божественнымъ, и послѣдній разъ просіялъ, какъ огнепламенно-свѣтоносный столпъ, такъ что и я, хотя устоялъ, но испугался, поблѣднѣлъ. Тогда Юродъ взялъ меня за плечо, говоря: „испугались—не бойтесь! Это Вамъ надобно, но этотъ вотъ когда будетъ“. И открылъ мнѣ часть своего тѣла, которое было до того истощено, что страшно было на него смотрѣть. Животъ, напр., вдвдся совсѣмъ внутрь, какъ бы приросъ къ спинѣ—къ позвоночному столбу...

Вотъ, другъ мой—Сіятельный графъ, добавляетъ авторъ письма нѣкто г. Пневматовъ.—ужели не видите: „Бога-любовь или любовь Бога“?... Но чтобы ощущать въ себѣ Бога, надобно постомъ утончить наше естество и очистить его отъ всякой скверны плоти и духа молитвой до того, чтобъ оно было проходимо для „Бога-свѣта, пламени и огня любви“¹⁾.

И несомнѣнно, конечно, что „откровенія“, „преображенія“ старца, подобныя описанному и рѣдкія потому, что не гармонировали его „смиренію“, были только слѣдствіемъ его невидимыхъ духовныхъ подвиговъ.

V.

Такова была личность почившаго старца о. С. Д. Малинина. Теперь понятно, что печальное, но торжественное богослуженіе 17 января было какъ бы земнымъ вѣнцомъ за подвиги старца, указаніемъ на то, чѣмъ онъ будетъ *Тамъ*, въ церкви торжествующей.

Однимъ изъ любимыхъ совѣтовъ старца при жизни было: „въ минуты горестей, заботъ и несчастій—вспоминайте меня,

¹⁾ Хрстіаннит., 1908 г. Май, стр. 144—145

и вамъ легче будетъ... Когда умру, молитесь обо мнѣ, и я невидимо помогу Вамъ“. При жизни—его совѣты были *дѣйствены*, мы вѣримъ, что и послѣ жизни они будутъ еще болѣе дѣйствены. Мы глубоко вѣримъ въ то, что всякій пришедшій къ нему на могилу ¹⁾ и излившій предъ нимъ свою душу, получить рѣдкое и еще большее облегченіе, чѣмъ было получаемо отъ него при жизни.

Вѣчная тебѣ память, великій старецъ!

В. Чистяковъ.

¹⁾ Старецъ погребенъ въ Спасо-Виеанскомъ монастырѣ, противъ алтара Тихвинской Б. М.,—въ 3-хъ верстахъ отъ Лавры